

Юрий АЛЕКСАНДРОВ

# ДОРОГА В СВЯТУЮ ОБИТЕЛЬ

## I. Дорога

Мысль о путешествии в Николо-Сольбинскую обитель — русский православный женский монастырь, единственный в мире, имеющий сразу три (!) колокольни, так-таки и воплотившаяся в жизнь тринадцатого июля две тысячи двадцать четвёртого года в день праздника Православной церкви — Собор Двенадцати апостолов, отмечаемый на следующий день после празднования памяти первоверховных апостолов Петра и Павла, возникла у меня как-то вдруг — нежданно-негаданно, но не просто так (хотя, это я понял потом, а не сразу, однако, наверняка). Мой одноклассник Павел, с которым мы не встречались чуть ли не со школьного выпускного бала, то бишь уже более сорока годов, пригласил меня на фестиваль колокольного звона в эту самую святую обитель. Он рассказал, что является организатором этого мероприятия, а кроме того, ещё и примет в нём участие лично, потому как сам служит звонарём в храме Архангела Михаила, что в селе Загорново Раменского района Московской области, уже много-много лет.

Нужно, признавшись, упомянуть: с ходу благодарно приняв предложение Павла — безусловно, интересное и впечатляющее, изучив в дальнейшем различные маршруты и способы перемещения в ту пустынь<sup>1</sup> из своего нынешнего пристанища — с противоположенной стороны Московской области, я рассчитал, что на одну только её колёсную составляющую в оба конца — от дома до обители и обратно — придётся никак не менее десяти часов. Учтя же, что по дороге мне предстоит сделать двенадцать пересадок с одного вида транспорта на другой, то есть моё путешествие непосредственно привязано к расписанию автобусов, электричек и маршруток, мне вменяется также принять и следующее неизбежное: она — дорога — назначает время моего выхода на неё на 4.00 и приводит стрелки часов возвращения в мои пенаты к циферблатному апогею — к 24.00. Значит, всё моё путешествие займёт без малого сутки! Ошалев от такой перспективы и усомнившись, выдержу ли я всё это чисто физически — опасаясь, что мой личный «апогей» наступит раньше циферблатного, я тут же принялся искать повод для себя и оправдание перед Павлом: как бы так обставиться какими-нибудь «причинами» невозможности выполнения моего обещания «буду обязательно! и — не премину!» — ну, чтобы не ехать.

Однако, практически накануне колокольного фестиваля, в моей жизни произошло скорбное событие — скончался мой старший двоюродный брат Артур, с которым мы были духовно близки, который помогал мне в делах и научил многому. Это и определило: «Каких бы усилий это мне ни стоило, но я обязательно посетю это святое место — пусть все дорожные препоны и возможные путевые испытания обратятся как бы моим паломничеством!» А посему ехать нужно — всенепременнейше! К тому же моя житейская опытность давно мне доказала, что в миру ничего просто так не случается: ни в явлениях, ни в замыслах, ни в поводах или причинах к их непременно воплощению.

Итак, пошли-поехали.

Я поставил будильник на три тридцать утра, дабы перед выходом успеть выпить чашку кофе, покормить свою кошку и своевременно прибыть в точку начала своего паломничества — автобусную остановку, с которой на дежурном автобусе для сменного персонала окрестных предприятий добраться до железнодорожной станции, на-

<sup>1</sup> Пустынь — в православной (русской, в частности) традиции — келья, скит или монастырь, располагающийся в пустынной, незаселённой местности или значительно удалённый от основного монастырского поселения.

ходящейся в нескольких километрах от меня. Чтобы уже с неё на первой же электричке отправиться в своё пятисоткилометровое путешествие.

Проспав всего-навсего три часа, меня что-то пробудило ещё до сигнала будильника, сразу же настроив мою нервную систему на взволнованное равновесие, показавшееся мне почему-то естественным. Хотя, наверное, и потому, что накануне я лёг почивать лишь с одной данной себе установкой — «не проспать!» И вот, открыв глаза и ещё не успев подумать, дескать, не пора ли вставать, заведённый сигнализатор, точно в установленный ему срок, разразился неистовыми воплями: «Встать! Вста-ать! Вста-а-ать!»

Пропуская подробности щепетильных сборов в дальний путь, а также нюансы многократно за многие годы проделанного мною пути — от моего пристанища до города Сергиев Посад, продолжу с того момента, когда я уже прибыл на его железнодорожный вокзал. И даже чуть дальше: начну с того, что я, заняв своё место во вполне комфортабельном автобусе межрайонного сообщения, отправился с городского автовокзала до села Нагорье. Кстати, в том селе есть чему подивиться. К тому же оно находится всего-то в сорока пяти километрах (против пятисот, к преодолению которых я уже приступил) от города Переславль-Залесский, входящего в Золотое кольцо России. В Нагорье мне следовало поменять колёса ещё раз, чтобы на маршрутке местного значения уже через каких-то двадцать — двадцать пять минут прибыть в пункт моего устремления — Николо-Сольбинскую киновию<sup>1</sup>. Конечно, есть, ну, по крайней мере, была возможность добраться туда и прямым — единым — автобусом из Москвы. Но расписание его движения уж больно жиденько-хлипенькое. Да и транспортно-пересадочные перипетии всегда добавляют впечатлительную гущу в скудное ожидание маршрутного конца.

Да, замечу, что чрезвычайно повезло с погодой: ясное небо с небольшими перистыми облачками, щекочущими глаза своею утреннею девственностью, сбивающимися то там, то сям в скромные венчики, не бросающие при этом и пятнышка тени ни на что, а лишь придающие шарм лазуревой вышине над головой, подчёркивали его бесконечность, чистоту и непредвзятость. Хотя гидрометцентр и назначил погоде быть сегодня переменчивой, ничто не давало и капли сомнения, что эта поездка не останется не запечатленной во мне на долгие года, а коли сподобиться, то и навсегда.

С автовокзала Сергиева Посада мы отправились точно по расписанию в 9.30. Объезжая центральные, полные туристов и светофоров улицы по старинным улочкам и переулочкам, полупустой автобус уже через пятнадцать минут и без особой натуги выбрался из городской застройки за её черту. Урбанистическая архитектура и мирская суэта скрылись долой и из глаз моих, и из водительского зеркала заднего вида, как будто бы всего этого каждодневного человеческого бытия в них и не бывало, очистив взоры для постижения иной красоты.

Мы въехали в другой мир — волшебный своим безмятежным спокойствием, полной чашей и бескрайней радостностью. Так всегда представляется гостям чужая жизнь: мол, сплошь чудеса природные нерукотворные, обустроенность ладная, за так кем-то данная, заполненная манной небесной, да беззаботье всех и каждого в абсолютном счастье.

Мчались мы по этому счастливому новому миру без толчков и привередливостей, миру сказочных полей и лесов, холмов и болот, время от времени охотливо и бесстрастно перемежающихся между собой и меняющихся друг с другом местами. Правда, иногда, ну так — для разнообразия, чудесная сказка за окном притормаживала, спотыкаясь о свои небольшие, порою древние веси<sup>2</sup>, чаще проскакивающие мимо нас почти незамеченными, потому как автобус, чуть пригашая свою скоростную удаль, останавливался буквально на минуту только в некоторых из них, да и то лишь «по требованию». В остальном же — звенящая чистыми колокольцами да бубенцами полудикая первозданность. Приставка «полу» к слову «дикая» оставалась неотъемлемой его частью весь путь нашего следования и только потому, что мы ехали и в самом деле в нестаром, прибабашенном всяческими гаджетами автобусе, по добротной двухсторонней асфальтированной со свежей разметкой трассе с артикулом 46К-8400 — вполне земной и цивилизной и почти без перекрёстных помех.

Но всё это не умаляло, не коробило высокопарных впечатлений. А скорее наоборот: подчёркивало на контрасте то, что дорога наша — праведная, что всё это — и есть наша жизнь, наша страна, прокладывающая свой истовый путь и истово же по нему идущая. И все мы — и в ней, и на этом пути — ни гости, ни попутчики, ни мухи на возу, отнюдь; но! — резиденты, то есть граждане своей — нашей страны России на все сто.

<sup>1</sup> Киновия — монастырь с общежительной формой проживания послушников (в отличие от келии и скита), которым руководит игумен/игуменья.

<sup>2</sup> Веси (уст.) — деревня, селение.

И это едино и всецело! А ещё и то, что всё наносное и скверное — сгинет в свой срок и изыдет<sup>1</sup> из нашей жизни, провалится в тартарары, когда наступит тот благословенный миг.

Я алкал красоты Смоленско-Московской возвышенности, упивался ими и не мог насладиться вдоволь. Она поражает своей непохожестью на какие-либо другие физико-географические автономии: здесь и высокие холмы, они же низкие горы — где-то абсолютно лысые, где-то заросшие всем чем угодно, и бескрайние урочищные равнины с лесами и перелесками, с полями и лугами, с бесчисленными речками и речушками, с непроходимыми болотами и марями<sup>2</sup>, трясиными и топами. В летний зной равнина представляется то ухоженными полями или разноцветными лугами, то выжженной степью, разрезаемыми лесными клиньями и перелесочными клинками. Всё показанное она постепенно уводит за черту горизонта или же упирает в трепещущую в дальнем мареве лесную ленточку, больше похожую на горную грядку или же на мираж на столь неизмеримом на глазок расстоянии. Или заменяет их долготу на поднимающийся перед глазами до небес непроглядные боры и чащи. Время от времени странствующий оказывается то на дне ложинной долины, то как будто бы на вершине лобного плоскогорного плато. Оттуда — с вершины — пред его взором распахиваются наши бескрайние просторы, сравнимые разве что с природными широтой и открытостью души русского человека.

Феерическое буйство полевых и луговых цветов, злаков и разнотравной дурнины<sup>3</sup> — люпина, пижмы, ромашек, рапса, сурепки, ковыля, репешки, репейника, всеми своими цветами и оттенками белого, розового, красного, фиолетового, лилового, зелёного, золотого, жёлтого — являлось повсеместно. Разноцветья, уж я и не знаю — каким образом и по чьему повелению, то сбиваясь полковыми коробками, как на праздничном параде — по видам и родам войск, то смешиваясь друг с другом, как по команде «вольно, разойдись», или же как трудящиеся на Первомайской демонстрации — то кучкующиеся, то разбредаящиеся, встречали и провожали нас на всём пути, приветливо гордясь собой, наполняя наши глаза белой завистью к их стройной и одновременно безмятежной жизни. Издали эти поля походили на лоскутные одеяла с калейдоскопическими в своей неповторимости и изменчивости узорами, которые когда-то шили мои бабушка и мама.

С бесподобием лугов и полей конкурировали лишь столь же чудотворные величественные лесные чащи. Мы влетали с открытых просторов в густые кущи как-то вдруг — без прилесковых прелюдий: р-р-раз — и мы уже там, как в детском фильме — «Сказка о потерянном времени»<sup>4</sup>. Световая ярость в одно мгновение оборачивалась вечерними сумерками: с непривычки от такой резкой перемены глазам казалось, что свету пришёл конец, что его вмиг вырубili. Обратный процесс — выезд из чащобы — происходил столь же стремительно: вр-р-раз за окнами автобуса вновь являлся озарённый праздничный парад — как будто бы по какому-то чародейскому мановению в крошечной темноте начиналась яркая, сочная, неестественно контрастная круговая кинопанорама.

Дорога то плавно поднималась, то полого спускалась. На двух или трех её отрезках она взмывала вверх, а потом стремглав бросалась вниз, да так, что при подъезде подъём был виден за километр, а при спуске — о его конце невозможно было и догадаться. Несколько мест напомнили мне езду по горному серпантину: с крутыми поворотами на утлах холмов перед глубокими, заросшими дурниной оврагами, на дне которых случались или непроходимые балки, или затиненные болота.

По пути мы пересекли множество малоприметных, а иногда картинно живописных ручейков и речушек с самоговорящими названиями — Дубна, Шустра, Чёрная, Берёзовка, Волинка, Каменка, Мечка. Самой широкой предстала река Нерь или Нерь Клязьминская, что означает «лей», впадающая в Волгу. Саму же Нерь питает речка Сольба, на берегу которой и устроилась та обитель, куда я держал своё посольство. Некоторые уречья<sup>5</sup> местами были обустроены незатейливыми, но удобными обихожеными песчаными пляжами.

Кстати, название реки — «Сольба» этимология<sup>6</sup> относит, как один из вариантов, к угро-финским корням и растолковывает как «живая вода». Или же как «посольство», то есть «посещение» кого-либо или «прибытие» куда-либо.

Взгляд кидался слева направо и обратно, стараясь разглядеть и объять и запечат-

<sup>1</sup> Изыйти (*уст.*) — выйти наружу, из себя.

<sup>2</sup> Марь — болото, с выросшими на нём деревьями.

<sup>3</sup> Дурнина — сорная и/или неухоженная растительность, в частности — травянистая.

<sup>4</sup> Художественный фильм-сказка, 1964 г., режиссёр-постановщик Александр Птушко.

<sup>5</sup> Уречье — береговая полоска вдоль реки.

<sup>6</sup> Этимология — наука, раздел лингвистики, занимающийся историко-структурным происхождением слов.

леть всё, до чего он дотягивался, к чему прикасался, что никак нельзя было пропустить. Не исчезающий, явственный восторг от всего этого зрелища и поминутное желание взять да и умолить водителя замедлить ход, а лучше и вовсе остановиться, чтобы, выбежав из автобуса, смешаться самому с этим трепещущим, блаженным разноцветьем, дабы поближе, повнимательнее рассмотреть и тактильно ощутить все краски. А ещё лучше — с разбега бухнуться в это блаженство всем своим телом, сознанием и душой, в унисон вопияли: «Ты ищешь смысл?! Он — в гармонии!»

А мы всё ехали и ехали. Душа плыла по волнам блаженственного созерцания. Тогда мне вдруг захотелось, чтобы эта дорога к храму не кончалась никогда. И как потом окажется, с такой же жаждой я пожелаю не покидать ту святую обитель, до которой всё-таки доберусь точно в срок.

Это просто был какой-то абсурд, ну, в лучшем случае, сюрреализм — одновременные и стройность, и хаотичность всего творившегося и вокруг, и внутри меня. И лишь по причине спёршегося в зобу дыхания, да ещё и из-за того, что мы всё ж таки ехали в рейсовом автобусе, шедшем строго по расписанию, утверждённому местным АТП, ни я, никто другой так и не решились принудить водителя прервать его беспрестанную монотонность — профессиональное выполнение своей работы, дабы, раскрыв чакры, познать прелесть гармонии окружающего нас мира.

Наивысшей же точкой на пути нашего следования — на шестидесятиметровой высоте над уровнем моря — стало село Нагорье, где я сделал пересадку на маршрутку. И уже менее чем через полчаса предстал перед воротами охранной белокаменной стены святой обители, расположившейся посреди расступившегося перед ней южно-таёжного соснового бора, наполненного памятными запахами Балтийского взморья.

Вдруг, на мгновение задержавшись под арочным входом с иконой святителя Николая и с частицей его мощей над ним, оглядевшись по сторонам, словно чего-то ища — то ли чтобы не оставить своё, то ли чтобы найти иное, не знаю уж чего или кого — силы в себе или чью-то поддержку, перед моими глазами в один миг промчалась история всей моей прошлой разнообразной жизни, а я в ней — и герой и зритель. Тогда я ещё не знал, не разбирал, а от того и не понимал, как необъяснимо схоже моё прошлое в переломах моей судьбы с историческими претерпениями этой пустоши.

Я перешагнул порог и вошёл в обитель.

## II. История монастыря

История зарождения Николо-Сольбинского женского монастыря берёт своё начало в глубокой древности и исходит от мужской пустыни святителя Николая, появившейся на реке Сольбе на Быльцыном поле в четырёх километрах от нынешнего своего месторасположения. Точной даты возникновения той пустоши неизвестно. Но в писцовых книгах<sup>1</sup> первой половины XVI века имеются сведения о её наличествовании и сельскохозяйственной деятельности, по которым возможно сделать вывод о том, что в конце XV века святая пустынь уже существовала.

В 1506-1511 гг. там же на Быльцыном поле зарождается Николаевский пустынный монастырь на Сольбе, который, по определённым косвенным обстоятельствам, возможно связать с самим преподобным Сергием Радонежским. В Смутное время<sup>2</sup>, примерно в 1609 году, оба монастыря были полностью уничтожены польскими захватчиками.

Второе рождение обители произошло в 1710 году, когда по прошению архимандрита Варлаама (в миру — Высоцкий)<sup>3</sup> — духовника императриц Екатерины I и Анны Иоанновны, земли разрушенных монастырей были переданы во ведение Борисоглебскому Песочному монастырю. Варлаам всю свою жизнь имел особую заботу о Сольбинской пустыни. Его трудами и на его личные средства там были построены каменный Успенский храм и деревянная Никольская церковь с приделом великомученицы Варвары. После пожара 1725 года церковь под попечением отца Варлаама была вновь

<sup>1</sup> Писцовые книги — делопроизводственная документация, которая составлялась в России в XV-XVII веках в ходе и по результатам писцовых описаний земельных угодий, городской и сельской недвижимости, данных о составе населения и возложенных на него податях и повинностях.

<sup>2</sup> Смутное время — период истории государства Российского с 1598 по 1613 годы, начавшийся со смены царской династии Рюриковичей и завершившегося воцарением Михаила Фёдоровича — первого правителя Руси из династии Романовых. На этот период приходится и правления Бориса Годунова, и приходы Ажедмитриев, и польско-литовская и шведские интервенции, и освободительный подвиг Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, и крестьянское восстание Болотникова, и интриги бояр Шуйских.

<sup>3</sup> Родился в 1665 году в селе Домодедово Подольского уезда Московской губернии, скончался 25.07.1737 и захоронен в Свято-Троицкой Приморской пустыни.

отстроена и им же освящена: он продолжил обеспечивать монастырь необходимой утварью и всячески его поддерживать вплоть до своей кончины.

Но в конце XIX века монастырь пришел в полный упадок. Поэтому в 1903 году он был преобразован из мужского в женский. Настоятельницей была назначена игуменья Макария (в миру — Скудина), при которой обитель достигла подлинного расцвета: здесь подвизалось более 100 сестер, имелось обширное хозяйство и немалый достаток.

Начавшаяся в начале прошлого века очередная смута, а затем — Первая мировая война (1914-1918 гг.), революции 1917 года и последующая на них Гражданская война (1918-1922 гг.), вновь круто изменили смиренный уклад святой обители. Так в декабре 1918 года в помещениях монастыря была образована коммуна. Там же расположился ещё и детский дом.

Однако уже в 1923 году все эти мирские образования на территории монастыря прекратили своё существование. Хотя монахини и продолжали посещать его Успенский храм, в 1937 году помещения монастыря всё же были закрыты. Несмотря на это, игумен Игнатий (в миру — Савочкин), настоятель Успенской церкви с 1923 по 1937 годы, продолжал тайно духовно окормлять<sup>1</sup> прихожан, включая и полторы дюжины сестёр послушниц: община принимала новых членов, отец Игнатий совершал тайные постриги.

Усилившиеся же гонения на веру привели к полному изничтожению паствы и разгону монахинь, две из которых — Анна Никитина и Агриппина Кукушкина — попали в заключение. 20 августа 1937 года игумен Игнатий был расстрелян. Вместе с ним казнили и иеромонаха Паисия (в миру — Елисеев), проводшего в храме всего две службы. Место их захоронения неизвестно до сих пор.

В конце 1930-х годов монастырь вновь стал пристанищем для социально незащищённых: в нём открыли Сольбинский детский дом №4 смешанного типа, то есть для мальчиков и девочек. В 1940-х годах там находилось около 40 детей — с двухлетнего возраста и до 9 класса. В конце 1940-х — начале 1950-х годов там же расположили ещё и интернат для инвалидов Великой Отечественной войны.

В 1954 году Сольбинский детский дом ликвидировали. Спустя семь лет та же участь постигла и интернат для инвалидов: на их месте была создана областная психиатрическая больница. 13 сентября 1994 года психиатрическая больница была закрыта. А полуразрушенные и изуродованные строения монастыря возвратили в лоно Русской православной церкви.

26 января 1999 года настоятельницей Николо-Сольбинского женского монастыря была назначена монахиня Еройтида: первого февраля она прибыла туда с тремя послушницами. Во многих лишениях, но с истовой верой они приступили к возрождению и восстановлению святой обители...

С тех пор трудами, стараниями и верой игуменнии Еройтиды, сестер обители и других добрых людей святая пустынь обрела новую жизнь. Теперь в монастыре построено и достраивается 12 храмов (храм святителя Спиридона Тримифунтского, храм святителя Николая, Успенский храм, храм блаженной Ксении Петербургской, храм преподобного Сергия Радонежского, храм мученицы Валентины и другие), часовня, купальня на одном из природных источников реки Сольбы, жилые и хозяйственные помещения, рукодельные мастерские, создан медицинский центр; при обители открыты детский приют, общеобразовательная школа и профессиональный колледж, детский сад и ясли. Воспитанницы школы и колледжа получают всестороннее — и духовное, и светское образование, обучаются музыке и пению, живописи и иконописи, различному рукоделию, театральному искусству, кулинарии.

Настоятельница Николо-Сольбинского женского монастыря игуменния Еройтида (в миру — Гаджу Елена Михайловна) родилась в городе Кишинёве в 1965 году 18 октября. В 2015 году матушка Еройтида удочерила девочку из дома малютки. А теперь у матушки уже семь удочерённых ею деток, старшей из которых девять лет. Первого июня 2021 года матушка Еройтида получила высокую общественную награду — нагрудный знак 1-й степени «Мать-героиня».

Возрождение Николо-Сольбинского женского монастыря могло случиться и случилось лишь благодаря истовой православной вере, беззаветному усердию, праведному труду и служению многих людей: и тех, кто обрёл себя в обители, и тех, кто к сему, сказанному выше, оказался неравнодушным.

\* \* \*

Отчего и почему жизнь и судьба монастыря, словно человека, приключилась именно так, как произошло?.. Почему я... здесь?! некрещёный, невоцерковленный, не от-

<sup>1</sup> Духовно окормлять (церк.) — 1) пастырское попечение о спасении, заключающееся в духовном наставничестве и молитве, 2) духовное наставничество вообще.

шельный — с трепетом в сердце и ураганным стремлением ума. Но при этом — без насады спокойный и даже как будто бы умиротворённый. Ну, не здорового же сознания лишившийся я, в конце-то концов! «Почему» — вот задача!

### III. Обитель

И вокруг в воздухе, и внутри меня — в сознании и душе — завитало что-то мало-понятное, а потому еле уловимое ощущение. Хотя оно же вроде бы как и знакомое, но почему-то позабытое, а ныне вдруг всколыхнувшееся чувство — чувство благостного удовлетворения и успокоения. Нежданная безмятежность, словно караулившая и ожидавшая меня, как будто бы давно уверенная в моём непременно приходе, объявилась враз и уж не покидала меня.

Уединив своё сознание, я бродил по песчаным дорожкам обители, дышал открытым воздухом природы и таинствами истории, пропитанными и пронизанными многовековыми и многочисленными метаниями людских тел и душ, пришедшими в итоге к своему умиротворению, оказывавшихся здесь то ли по собственному желанию, то ли по чужой воле, тут же смиравшихся со своей участью или же бунтовавших до срока — внутри самих себя или на всевидении.

Я ходил, ходил, ходил — без углов, тупиков и краёв по ковру из песка, за века перетёртому пережитым здесь в бус. Было приятно, благостно, трепетно и как-то даже радостно, что внутреннее пространство двора обители не закатано чем-либо искусственным и не замощено булыжником: всё подножье свободно дышало, не мешая общению неба и земли между собой и со мной.

В какой-то момент мне вдруг захотелось, сбросив ботиночные колодки, пойти босиком. И тут же я почувствовал, что я вроде бы бос уже. Задумавшись над таким ко мне снисхождением, я с опаской посмотрел на раскрепощённые ступни мои. Но они, как и должно было быть, оказались обутыми в дорожные туфли, зашнурованные по края — до узлов с бантиками.

Странно это, но в ступнях обреталась малолетняя босоногая лёгкость: как будто бы я, как в детстве — без усталости, раскованно, без боязни и стеснения перед окружающим и посторонними, в своём же детском образе и теперь бегу по дикому одинокому пляжу Куршской косы в одних лишь коротеньких штанишках да белой панамке; а из-за песчаных дюн, поросших съёжившимся кустарником, оттуда, где нет колючего, сводящего с ног судорогами сквозного ветра, безжалостно пробивающего всё что ни есть под ним, на меня глядят добрые и заботливые глаза моих мамы и папы и моей старшей сестры.

### IV. Фестиваль

Колокольный фестиваль прервал мои размышления, начавшись без особых торжественных церемоний и речей: организаторы лишь объявили участников и вкратце поведали гостям об истории монастыря, будничной жизни его послушников и предстоящем действе, ради которого, собственно говоря, сюда и прибыли приглашённые. Представленные звонари, съехавшиеся из разных весей Московской, Тамбовской, Тульской, Рязанской, Оренбургской, Тюменской и других областей России, разделившись на группы и разом взобравшись на все три монастырские колокольни, уже приготовились и ожидали лишь сигнала ведущего, дабы явить нам и друг другу бередающую душу колокольную музыку.

Мой одноклассник Павел, как главный звонарь, начал своё и общее представление. Вслед за ним и поочерёдно, чтобы не было путаницы и хаоса, и другие звонари заиграли свои трезвоны.

Все гости, разбредшиеся по всему двору монастыря, застыли на своих местах, на которых их застали первые же звуки главного колокола. Закинув головы за плечи, все они устремили глаза свои ввысь, туда, откуда понеслись по всему монастырю и его округе колокольные голоса. Звонари, сменяя друг друга на колокольных помостах, то с одной колокольни, то с другой, то с третьей, вещали во всеуслышанье разными языками, но понятными всем услышавшим их и слушающим — праведные мелодичные благозвония, вызывающие приятственный трепет в душах внемлющих.

Я, как и все, задрал голову, наострив слух, как-то машинально переводя свой взор попеременно с одной звонницы на другую, в сопровождении праведных звуков, с благодатью улетел в свои размышления, пытаясь, как всегда, разложить их по порядку и гармонии.

Вступили колокола звоном, как к утрени<sup>1</sup>. Затем последовал звон «Яко Твое есть

<sup>1</sup> Утрени, от утренняя (заутрени) — одно из богослужений суточного круга — церковное общественное богослужение, совершаемое согласно уставу, утром.

Царство». Он начинается с благовеста — одиночных ударов в большой колокол. При этом, в зависимости от звонарской техники, тулово<sup>1</sup> может либо быть неподвижным, а сам звон начинается движением его языка — чаще используется в православных храмах, либо раскачиваться, усилиями нескольких звонарей, в количестве достаточном, чтобы надлежаще раскачивать колокол, вес которого может достигать нескольких тонн, дабы выбрать из него нужную тональность и силу звука.

Далее последовали звоны: мелодики, громкость и ритмы которых каждый звонарь явил свои — на собственные умения и сердечность. Они длились долго: слетевшихся на фестиваль звонарей было много; к тому же они перебирались с колокольни на колокольню, желая своими руками и слухом постараться распознать душу всех колоколов обители, расчувствоваться самим и удовлетить<sup>2</sup> восторгом всех слушателей.

Закончилось представление, как и положено, общим сборным трезвonom — на все праведные и благодатные лады и вкусы.

Есть у колокольного голоса и ещё одно предназначение — созывный крик, возвещающий о пришедшей беде — пожаре, эпидемии, войне. На протяжении многих веков их приход звонари на всю округу оглашали неистовым гвалтом, называемым набатом, одиночных и раскатистых ударов в разные кампаны, нагнетая в душах православных истовую ненависть к врагу, наполняя сердца благодарностью к нашим праведным воинам-защитникам, щемящей скорбью к павшим братьям нашим. Подобное объявляется видимым тут же по вмиг сжимающимся кулаками и зубами и увлажняющимся глазам. Все как будто бы в замок сцепляются друг с другом за руки и смыкают народный строй, словно связываясь крепко-накрепко, воедино, становятся единым целым здесь и сейчас и с нравственным заветом к будущему.

## В. Путь

День подходил к концу. Ярящее всё время солнце спустилось с небес и утомлённо присело на монастырские кровли. Мой взгляд ненароком упал на мои же руки: солнечная печать — плотный, бордово-коричневый загар — незаметно и неизвестно во сколько объявившись, лежала теперь на них и, по-видимому, на моём лице — благообразно, безболезненно, согревая, без ожога. И это было странным для меня: обычно я стораю до язвенных волдырей и обморочного состояния уже через пятнадцать минут солнечной безоблачной атаки, будучи сам в это время в каюте с закрытым иллюминатором, находясь при этом за полярным кругом в полярную же ночь. А тут и сейчас — в святой обители, говорю это без иронии и ёрничества, никакого покраснения, ни пупырышка; лишь доброе тепло растеклось по всему телу, а благодать заполнила всю душу мою.

Фестиваль закончился. Пришла пора, раскланявшись с благодарностью с гостеприимной святой обителью, усердно поворачивать восвояси. Но страшно не хотелось прощаться: не всё было спрошено, не всё расслышано, не всё понято...

Тут я вспомнил, как восторгался и радовался по дороге сюда — к храму, как жаждалось продлить тот путь до нескончаемости.

И ещё одно. Как глас возникло и разбежалось во мне, не давая разобраться где — то ли в душе, то ли в сознании или в них одновременно, одно слово — «почему»: ни вопрос с восклицанием, ни абстракция бессмысленная... «Почему» — как задача: отказать от решения которой, проигнорировать её или просто про неё забыть — я уже не смогу.

«Я вернусь. Я — уже в пути! — то ли пообещал, то ли признался я себе вслух. Ведь дорога к храму, несомненно, имеет своё начало. Дорога к храму — неизбежна и не имеет конца своего пути. — Я приду — с мудростью сердца».

\* \* \*

*Всмотрись в себя — признай грехи, огрехи.  
Потребу умири. От вздора отрешись.  
Не льсти кумирам. Не проси успеха.  
Учись! Трудись! — без каверзной утехи.  
И мудрость сердца распознает вись.  
И ты поймёшь предназначенья смысл<sup>3</sup>.*

<sup>1</sup> Тулово — купол колокола.

<sup>2</sup> Удовлиту, от удояляти (церковное) — удовлетворять.

<sup>3</sup> Автор стихотворения «Воззрение» — автор рассказа.